

УДК 821.131.1:82-31

**ПРОБЛЕМНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ «ЮЖНОГО ВОПРОСА»
В РОМАНЕ КАРЛО ЛЕВИ «ХРИСТОС ОСТАНОВИЛСЯ В ЭБОЛИ»***канд. филол. наук С.В. ГОНЧАР**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)**claire1978@mail.ru*

«Южный вопрос» как комплекс проблем, обусловленных резкой экономической, социальной и культурной отсталостью южных областей Италии, стал одной из центральных тем в литературе итальянского веризма конца XIX века. Так и не будучи до конца решенной эта проблема вновь возникает в литературе неореализма в работах Франческо Джовине, Рокко Скотелларо, Леонардо Шаша и др. Читателю эта проблема известна прежде всего в связи с романом Карло Леви «Христос остановился в Эболи», опубликованном в 1945 году. Представлена попытка историко-антропологического и литературоведческого анализа романа Карло Леви: приведены результаты комплексного анализа авторской концепции мира и человека; выявлены основные художественные принципы и приёмы воплощения социальных и экономических проблем Южной Италии в контексте литературы неореализма; представлено идейно-художественное новаторство Леви и своеобразие решения автором «южного вопроса» средствами эстетического выражения реальности.

Ключевые слова: итальянская литература; Карло Леви; неореализм; социальная критика, «южный вопрос».

Введение. В литературе любой эпохи есть авторы, творчество которых невозможно вписать в одну единственную культурную или временную парадигму, поскольку их произведения допускают множество толкований и интерпретаций. Именно таким автором для итальянской литературы неореализма стал Карло Леви. Его роман «Христос остановился в Эболи» (*Cristo si è fermato a Eboli*, 1945) можно читать как мемуары, воспоминания об одном, вероятно, самом важном годе (1935) жизни писателя, проведенном в ссылке в Лукании (историческое название Базиликаты административного региона на юге Италии). Но этот же его роман можно читать и как серьезное социологическое исследование жизненного уклада, нравов и традиций сельской общины юга Италии. Именно возможность такого прочтения делает роман Леви актуальным и в наши дни, ведь «южный вопрос» – комплекс проблем, порожденных исторически сложившейся экономической, социальной и культурной отсталостью южных областей, особенно остро проявившийся после объединения Италии в 1861 году, – все еще остается не решенным. В данной статье представлен комплексный историко-литературный анализ романа «Христос остановился в Эболи» Карло Леви, показано своеобразие авторской концепции мира и человека и оригинальные художественные принципы и приёмы изображения социальной и экономической реальности Южной Италии в контексте литературы неореализма

Основная часть. «Христос остановился в Эболи» – далеко не единственное литературное произведение, посвященное «южному вопросу». Здесь можно вспомнить имена Франческо Джовине («Земли Сакраменто» (*Le terre del Sacramento*, 1950 [1]), Рокко Скотелларо («Люди юга», *Contadini del Sud*, 1950 [2]), Джузеппе Томази ди Лампедуза («Леопард» (*Il Gattopardo*, 1958 [3]), Леонардо Шаша («Сицилийские родичи» (*Pirandello e la Sicilia*, 1960 [4]), «День совы» (*Il giorno della civetta*, 1961 [5])). Популярность этой темы объясняется в первую очередь ее социальной значимостью: этот вопрос был поставлен еще в 1873 году депутатом Антонио Биллиа, отметившим экономическую и социальную отсталость юга по сравнению с другими регионами. За более чем семьдесят лет истории объединенной Италии «южный вопрос» становился все более актуальным: на фоне промышленно и аграрно развитого севера южные регионы Италии поражали полнейшим отсутствием инфраструктуры (дорог, мостов, коммунальных услуг и школ) и тотальной безграмотностью населения (около 90%)¹. Ни политики, ни экономисты, однако, этот вопрос решать не спешили. Иное дело – писатели. Они активно включились в его решение средствами литературы, пытаясь проникнуть в психологию итальянского юга, найти там истоки проблемы, предлагая самые смелые проекты решения «южного вопроса».

Выступая на страницах своих произведений, пронизанных пессимизмом и отчаянием, против несправедливости и эксплуатации крестьянства, обличая политиков, не сдержавших обещаний, итальян-

¹ Подробнее социальные, политические и экономические аспекты «южного вопроса» освещены в работах Розарио Виллари «Южная Италия и крестьянство в новое время» (*Mezzogiorno e contadini nell'eta moderna*, 1961) [6] и «Юг в истории Италии: антология по южному вопросу» (*Il Sud nel' storia d'Italia. Antologia della questione meridionale*, 1961) [7].

ские писатели-меридионалисты² в лучших традициях веризма³ скрупулезно воссоздают картины крестьянского быта: «Сухова жизнь пастухов в Аспромонте зимой, когда мутные потоки воды устремляются к морю, смывая все на своем пути. Пастухи ютятся в домах, построенных из веток и грязи, и спят в них вместе с животными под оглушающий рев водных потоков», – так реалистично изображает жизнь крестьян Калабрии в годы фашистского режима в Италии Коррадо Альваро в повести «Люди из Аспромонте» (*Gente in Aspromonte*, 1930). В своих литературных исследованиях жизни юга Италии Винченцо Буччино («Невезение» (*La mala sorte*, 1963), Васко Пратолини («Семейная хроника» (*Cronaca familiare*, 1947), «Повесть о бедных влюбленных» (*Cronache di poveri amanti*, 1947) и другие писатели-неореалисты не ограничиваются натуралистическими описаниями упадка, беззакония и страданий крестьян. Они знакомят читателя с причудливыми южными диалектами, представляют принципиально иную систему ценностей, что придает им не только литературную, но и лингвистическую, политическую и социологическую значимость. «Христос остановился в Эболи» стал своего рода апофеозом «южной» литературы: присущая автору глубокая эмпатия позволила ему взглянуть на «южный вопрос» не с позиции повествователя-наблюдателя, но непосредственного участника событий, более того, интеллигент и городской житель Леви сумел проникнуть в самую суть жизни сельской общины, до сих пор ему совершенно чуждой, привнеся «новые ноты в звучание «южного вопроса» [8, с. 170].

Можно сказать, что Леви и другие упомянутые выше авторы в своих работах начали дискуссию по «южному вопросу» на национальном уровне (и не только в литературе, но и в антропологии, и других социальных науках). И все же, если посмотреть на роман в точки зрения исторического контекста, то станет очевидно, что «Христос...» создавался в эпоху, озаменованную для Италии не только окончанием Второй мировой войны, свержением авторитарного режима и переходом от монархии к республике. Вторая половина 40-х годов XX века стала для Италии временем появления на политической и социальной арене простых людей, в частности крестьянства юга, активно вступившего в битву за передел земель. В этой социальной ситуации, как отмечает Альберто Чирезе, «тугие узлы «южного вопроса» стали развязываться сами собой» [9, с. 79]. С другой стороны, именно этот этап итальянской истории ознаменовался переходом от классической традиции созерцания, основанной на принципах исторического идеализма Бенедетто⁴, к концепции воинствующего неореализма, вдохновленной философией Антонио Грамши. Интеллектуальная элита того времени просто не могла оставаться в стороне от решения судьбоносных для Италии вопросов и как следствие заняла весьма активную политическую позицию. Писатели-неореалисты считали своей миссией создание единой национальной культуры, в которой найдется место представителям всех регионов и всех социальных слоев, что открывало новые горизонты для крестьянства юга Италии, до тех пор исключенного из сферы культурных и литературных интересов. И пальма первенства в этом вопросе, бесспорно, принадлежит Карло Леви.

В антологии «Исследования сельских общин в Европе» (*Rural Community Studies in Europe*, 1976) находим 41 работу, посвященную югу Италии; шесть из них – исследования Лукании (Базиликаты), и хронологически первая из них – роман Леви. Леви стал первым «певцом» трагедии итальянского юга, он заставил громко зазвучать «голос юга» в итальянской литературе середины XX века, именно ему литературоведение обязано уточнением содержания термина «меридионализм», благодаря его роману человечество узнало о существовании «другой» Италии, «другого мира, мира вечного терпения, задавленного скорбью и обычаями, отвергнутого Историей и Государством» [10, с. 13]. Впервые в истории итальянской литературы художественное произведение послужило толчком к серьезным антропологическим исследованиям «южного вопроса». Именно Леви, счастливо совместивший в себе исключительную чувствительность врача, художника, писателя и антрополога, глубоко прочувствовал и не просто в мельчайших нюансах описал, но прожил и пережил социальные проблемы Южной Италии. В центре повествования – жизнь крестьян Алиано (в романе Гальяно) – небольшой коммуны в регионе Лукания (Базиликата), в провинции Матера, куда Леви за свою активную антифашистскую деятельность был сослан

² От итальянского «meridionalismo» – борьба за возрождение юга Италии.

³ Веризм (итал. *verismo*, от *vero* – правдивый) – направление в итальянской литературе, музыке, изобразительном искусстве конца XIX века. Принципом веризма стало документальное, фактографически точное воспроизведение неприглядной, «нагой» правды жизни. Противопоставив себя художникам-реалистам, преобразовавшим и сглаживавшим, по мнению веристов, жизненную реальность, они в крайне натуралистическом ключе изображали проявления человеческих страстей, стремясь обнажить антигуманное и покончить с ним. Преимущественное внимание писатели-веристы уделяли изображению быта крестьян и городской бедноты, проявляя интерес к народному языку, нравам, обычаям и широко используя местный колорит [11].

⁴ В действительности, в произведениях классика веризма Джованни Верга («Семья Малаволя» (*I Malavoglia*, 1881 [12]), «Жизнь среди полей» (*Vita dei Campi*, 1888) [13]) крестьянство выступает прежде всего носителем здоровых, прежде всего, христианских ценностей, именно в крестьянской среде автор видит надежду на искупление и обновление для всего итальянского народа. Однако это видение еще очень далеко от стоящего на позициях социального протеста воинствующего неореализма Карло Леви.

в 1935 году после нескольких месяцев тюремного заключения. Герои его романа – крестьяне, на первый взгляд, «совершенно одинаковые – маленькие, опаленные солнцем, с черными, лишенными блеска, словно невидящими, похожими на пустые окна глазами» [10, с. 75]. К слову, они стали не только героями романа «Христос остановился в Эболи», но и героями живописных полотен Леви («Три мальчика из Гальяно», «Портрет Джулии», «Дети колдуньи»)⁵.

Оказавшись в Гальяно, Леви пытается постичь менталитет этих «маленьких» людей, оставленных на произвол судьбы не только итальянским правительством, но, кажется, и самим Господом Богом: «Мы не христиане, не люди, нас не считают людьми, мы животные, вьючные животные, и даже хуже, чем животные, мы сухие ветки, тростинки, живущие первобытной, бесовской или ангельской жизнью» [10, с. 13]. И в душах этих сломленных жизнью людей Леви находит лишь бесконечную покорность и страдание, ставшие под гнетом времени почти образом их жизни. Из современной ему Италии Леви словно переносится в далекое прошлое, в забытый всеми уголок мира, где нет ничего, кроме ежедневных забот о хлебе насущном. Выживание – вот то естественное, то единственно важное стремление, которое неизбежно отодвигает на второй план все социальное, наносное, навязываемое извне. Жизнь крестьян Гальяно в буквальном и переносном смысле – это «жизнь до Христа»: «Христос действительно остановился в Эболи, где шоссе и железная дорога отходят от холмов Салерно и моря и углубляются в заброшенные земли Лукании. Христос никогда не заходил сюда, сюда не заходили ни время, ни живая душа, ни надежда, ни разум, ни История... Христос не заходил сюда, как не заходили римляне, которые укрепляли большие дороги, не углубляясь в горы и леса; не заходили и греки, которые процветали на морях Метапонто и Сибариса; никто из смелых людей Запада не приносил сюда чувства движущегося времени, своей государственной теократии, своей постоянной, вырастающей из самой себя деятельности. Никто не трогал эту землю ни как завоеватель, ни как враг, ни как ничего не понявший гость» [10, с. 14].

«Христос остановился в Эболи» – эта поговорка, вынесенная автором в название произведения, много глубже, чем просто символ наивного, дохристианского мировосприятия южан. Она в буквальном смысле вскрывает суть существования жителей Гальяно: жизнь среди оврагов и камней, жизнь в изоляции и забвении, жизнь на краю цивилизации. Неудивительно поэтому, что писатель «приехал сюда неохотно, не надеясь увидеть ничего хорошего» [10, с. 15]. В Гальяно заканчивается дорога, а вместе с ней заканчивается и цивилизация: «Поселок на первый взгляд не походил на поселок, он казался скорее небольшой кучкой отдельных белых домиков, в которых сквозь убожество сквозила претенциозность», – таково первое впечатление Леви от места, где ему предстояло провести в изгнании три года «вдали от дорог и мира людей» [10, с. 28]. Здесь нет трагической суровости горного Грассано, который как нельзя лучше подходил для политического изгнанника, ничто здесь не дает чувства скованности, а здешние красоты и просторы почти диссонируют с желаниями автора: «Ведь заключенному легче находиться в камере с бросающейся в глаза решеткой, чем в обычной комнате» [10, с. 16]. Крохотный поселок, маленькие люди с примитивными страстями, к которым горожанину по рождению и образу мысли Леви предстояло «подобрать ключ».

Не с холодной скрупулезностью исследователя, но с глубокой симпатией и сопереживанием Леви пытается проникнуть в причины бедственного положения юга Италии. Тоска и однообразие здесь гнетут не только людей, но, кажется, и животных: «Тысячи мух чернели в воздухе и покрывали стены; старая рыжая собака лежала, растянувшись, на полу, точно погруженная в вековую тоску» [10, с. 19]. Новый день не несет ничего нового, а лишь повторяет предыдущий и так «с монотонностью морского прилива» проходит жизнь в этом «особом темном, таинственном мире, мире без надежды» [10, с. 62]. В описании этого мира доминируют темные цвета: черны двери крестьянских домов, черны глаза местных женщин, да и одежды крестьяне преимущественно в темное: «Двери почти всех домов, точно висевших над бездной, потрескавшихся, готовых обрушиться, были странным образом обрамлены черными флагами, то новыми, то выцветшими от солнца и дождей, так что весь поселок, казалось, был в трауре или увешан флагами для праздника Смерти» [10, с. 18]. Эти угрюмые тона подходят Гальяно куда больше, чем «геральдические цвета другой Италии, непонятной, своевольной и жестокой»: «красный, весело-наглый, зеленый, особенно нелепый здесь, где даже деревья серые, а трава не растет, потому что кругом одна только глина. Эти, да и все прочие цвета – это дворянские выдумки, они годятся для щитов синьоров или для знамен городов» [10, с. 122]. Крестьяне же знают только один цвет – «цвет своих грустных глаз и одежд, и это даже не цвет, это тьма земли и смерти» [10, с. 122].

Гальяно – мир без цвета, но, что еще более символично, Гальяно – мир без музыки. Здесь не играют на музыкальных инструментах и не поют «ни утром, когда идут на работу, ни в полдень, когда обедают, ни вечером, когда возвращаются длинными черными вереницами с осликами и козами к домам на

⁵ Лишенный в ссылке возможности вести медицинскую практику Леви много и охотно наблюдает за жизнью крестьян и реализует свои наблюдения в живописи. Идея романа родилась много позже, в 1943 году в оккупированной фашистами Флоренции.

горе, ни один голос не нарушает тишину края» [10, с. 40]. Единственные звуки, нарушающие многовековую тишину, имеют исключительно природное происхождение: «непрерывное жужжание мух», «стук ослиных копыт по камням улицы и бляение коз» [10, с. 42–43]. Таким убогим, мрачным, молчаливым и чуждым, кажется, самой жизни предстает Гальяно на страницах романа Леви.

Крестьяне влчат жалкое существование, в их домах нет даже мебели. Они вынуждены вставать затемно, чтобы совершить двух-, трех-, а порой и четырехчасовой переход до своих полей, «что лежат у нездоровых русел Агри и Сауро или на склонах далеких гор» [10, с. 43]. Их рацион скуден: «немного хлеба с сыром, несколько маслин и неизменные сухие фиги» – еда богачей, что же касается бедняков, «то они едят весь год один хлеб, изредка добавляя аккуратно нарезанный недозрелый помидор или чеснок с оливковым маслом, или испанский перец, из тех, что дьявольски жгут» [10, с. 43].

В Матере⁶, где проездом оказалась сестра Леви по дороге в Гальяно, дела обстоят еще хуже – здесь люди живут в пещерах, куда воздух и свет проникают только через дверь. У некоторых нет и двери, в них входят сверху по трапам и лесенкам. В этих черных дырах с земляными стенами спят все вместе: мужчины, женщины, дети, животные. Их двадцать тысяч человек. Трахома, вши, малярия, черная лихорадка – бессменные спутники нищеты и антисанитарии превращают существование этих людей в ад на земле. Здесь просят не денег, но хинина, чтобы хоть как-то облегчить свои страдания. Хинин, впрочем, остается у местных врачей лекарством от всех болезней: «Крестьяне нам не доверяют, не зовут нас в случае болезни. Или же они не желают платить. Они хотят, чтобы их лечили, но платить – ничего подобного! <...> Они упрямы, как ослы. Да, да! Им даешь и даешь хинин, а они не желают его принимать» [10, с. 24]. Для местных лекарей, не всегда даже сведущих в медицине, крестьяне, не желающие у них не-го лечиться, – это преступники, не выполняющие обязательств налогоплательщика, враги, которым он желает только скорейшей смерти: «Вы видели сегодня человека, который не захотел меня позвать. Он отправился в Стильяно. Потом позвали вас. Он умер, и так ему и надо» [10, с. 24]. Колдовские зелья и магические заклинания – вот альтернатива медицине в захолустном Гальяно: «кабалистические и астрологические знаки, изображения святых, монеты, волчьи зубы, жабы кости и тому подобное – целый традиционный арсенал» [6, с. 207]. Народная магия «лечит» все болезни и почти всегда только с помощью заговоров и заклинаний: «существуют заговоры для срастания костей, от зубной боли, от болей живота и головы; есть заговоры, которые переносят боли на другого человека или на животное, на растение или предмет, освобождают от дурного глаза и колдовства. Так от исцеления здесь легко переходят к способам заставить заболеть и умереть или к другой, тоже очень важной ветви народной магии, к искусству принудить любить или освободиться от любви» [10, с. 208].

В том, что касается любви, Гальяно также далек от христианской традиции. В основе отношений между полами здесь лежит древний и не знающий исключений обычай, запрещающий мужчине и женщине оставаться наедине без свидетелей, поскольку любовь здесь поминают исключительно как чувственное влечение, «как могущественную силу природы, которой не может противостоять никакая воля. Если мужчина и женщина находятся вместе в уединении, без свидетелей, ничто не может помешать им упасть в объятия друг друга, ничто не может остановить их – ни протесты, ни целомудрие, никакие другие препятствия; и если даже случайно этого и не происходит, это ничего не меняет; быть вдвоем – значит заниматься любовью» [10, с. 93]. Здесь не существует и не может существовать настоящей морали и даже никакого общественного порицания незаконной любви: здесь «множество незамужних матерей, и они не подвергаются изгнанию или общественному презрению», здесь «незаконные дети не являются позором для женщин», и еще менее они позорят мужчин, здесь дети даже у священников [10, с. 94–96]. Как нет здесь и самой любви в христианском ее понимании, только «поток желания, исходящий из глаз и как бы наполняющий воздух этого края», «только покорность судьбе, высшей силе, которую нельзя отвратить» [10, с. 95].

Юг Италии предстает на страницах романа отсталым не только экономически. Сюда не добрались не только строители дорог и фабрик. Цивилизация словно вообще обошла стороной этот уголок мира. Люди здесь живут суевериями и средневековыми поверьями, здесь стерты границы между человеческим миром и таинственным миром животных и чудовищ, здесь живут необычные существа с двойной природой: «женщина-корова, мужчина-волк, Барон-лев, коза-дьявол – это только наиболее определенные и отчетливые образы; но каждый человек, каждое дерево, каждое животное, каждый предмет, каждое слово включает в себе двойственность» [10, с. 106]. Крестьяне живут так же, как их деды и прадеды. Городская цивилизация не затронула Луканию. «Христос остановился в Эболи», христианская культура не дошла до Лукании, и вообще никакая культура не достигала этих мест. Этот мир застыл во времени, словно доисторическое насекомое в капле смолы, сказочно прекрасный в своей первозданной неиспорченности, но чуждый любому прогрессу. Возникнувшее уже на первых страницах романа ощущение статики ни на секунду не оставляет читателя: здесь нет чувства «движущегося времени», все монотонно и недвижимо,

⁶ Небольшой городок, расположенный на востоке Базиликаты, почти на границе с регионом Апулия.

здесь царят традиция и стагнация. Не удивительно поэтому, что «все сколько-нибудь способные юноши и те, кто могут проложить себе хоть какую-то собственную дорогу, покидают эти края. Наиболее предприимчивые уезжают без гроша в кармане в Америку; другие уезжают в Неаполь или в Рим и уже больше не возвращаются на родину. Здесь остаются только неполноценные, те, кто ничего не умеет делать, с физическими недостатками или ни к чему не пригодные, ленивые» [10, с. 10].

Леви поднимает весьма болезненную для итальянской истории тему – тему эмиграции. Объединение Италии вызвало к жизни феномен «лишних людей»⁷, которые не могли найти работу не только на испытывавшем дефицит земли сельскохозяйственном Юге, но и в промышленных городах Севера. Поток эмигрантов, среди которых преобладали мужчины трудоспособного возраста, хлынул на поиски земли обетованной. Для сотен тысяч южан этой землей стала Америка. Символично поэтому, что со стен большей части домов Гальяно молчаливо взирают на обитателей «два неразделимых идола-покровителя»: «С одной стороны черное хмурое лицо и большие нечеловеческие глаза Мадонны ди Виджано; с другой, напротив, цветная картинка, на которой виднелись живые глаза за блестящими очками, широкий ряд зубов, открытых в приветливой улыбке – портрет президента Рузвельта» [10, с. 111]. Вот только божественное и земное в Гальяно, кажется, поменялись ролями: «Мадонна была здесь свирепая, безжалостная, темная архаическая богиня земли, владычица сатурналий этого мира; президент – нечто вроде Зевса, благосклонно улыбающегося божка, хозяин другого мира. Иногда третье изображение составляло с этими двумя нечто вроде троицы – бумажный доллар, последний из привезенных оттуда или присланный в письме мужем или родственником, был приколот гвоздиком к стене под изображением Мадонны или президента, или между ними, как некий святой дух, посланец неба в мир мертвецов» [10, с. 111].

С одной стороны, эмиграция в Америку становится для жителей Юга Италии чем-то вроде Исхода евреев из Египта, бегством к лучшей реальности.⁸ «Не Рим или Неаполь, а Нью-Йорк мог бы быть для Лукании настоящей столицей, если эти люди, не имеющие государства, могли бы обрести его. И так оно и есть – в единственном смысле, который существует для них, в смысле мифологическом – в силу своей двойной природы Америка как место для работы их не интересует: там живут, как и везде, как животные, впряженные в повозку, и совершенно безразлично, по каким дорогам ее тянуть; но как рай, как небесный Иерусалим, она недостижима, ее можно только созерцать из-за моря, не участвуя в ее жизни» [10, с. 111]. С другой – эмиграция расколола поселки Лукании пополам, разделив семьи, обескровив Юг: «в Гальяно тысяча двести жителей, в Америке две тысячи гальянцев» [10, с. 94]. Лукания погружается в матриархат, здесь безраздельно царят женщины-матери. «Они любят, обожают, балуют детей, трепещут, когда они болеют, годами кормят грудью, не оставляют их ни на минуту, носят с собой на руках», но дети неизбежно вырастают, «становятся мужчинами, уезжают на войну или в Америку» [10, с. 95].

Казалось бы, эмиграция открыла для гальянцев новый путь, даровав им надежду обрести *свою* страну, *свое* государство. Но уезжая в Америку крестьяне Юга остаются внутри своего замкнутого мира: «в Америке они живут обособленно, поддерживают отношения только с земляками, не участвуют в американской жизни, годами едят один хлеб, чтобы отложить несколько долларов», и возвращаясь двадцать лет спустя, приезжают точно такими, какими уезжали: «спустя три месяца немногие английские слова забыты, немногие внешние привычки отброшены» и вот «они опять крестьяне, у них есть осел и коза, вот они опять отправляются каждое утро к далеким малярным окраинам» [10, с. 113]. Постепенно они возвращаются к привычной жизни в нищете, а вместе с ней «возвращаются покорность, терпение и все старые крестьянские обычаи; вскоре эти «американцы» уже ничем не отличаются от других крестьян, разве что они более печальные да время от времени вздыхают об утраченных благах» [10, с. 112–113].

Юг Италии, таким образом, предстает на страницах романа особым миром, миром вне времени, вне истории, вне цивилизации. Но именно здесь, в Гальяно, где у местных крестьян нет ничего индивидуального, «даже индивидуального сознания», где люди столетиями живут, погруженные в мир, не имеющие определенных очертаний, где не могут существовать никакие индивидуальные чувства – ни счастье, ни надежда, а только безмолвная пассивность скорбной природы – в изгнании (в местном диалекте вместо «confinato» – ссыльный, используется слово «esiliato» – изгнанный) Леви почувствовал себя причастным общей судьбе, ощутил себя частью единого человеческого роя. Ему открывается во всей очевидности суть южного вопроса. Это не «чисто экономическая и техническая проблема», ее не решить «осушением почвы, индустриализацией, внутренней колонизацией или социалистическими программами «перестройки Италии» [10, с. 214]. Проблема коренится много глубже, пишет Леви, и проблема эта «го-

⁷ В силу некоторого улучшения санитарно-гигиенических условий жизни населения, многие семьи получили доступ к больничному обслуживанию, которого до этого не имели, в том числе на перенаселенном Юге Италии. Это обусловило снижение смертности (особенно детской) и увеличение продолжительности жизни.

⁸ С начала 1900-х годов и до начала Второй мировой войны поток итальянских эмигрантов увеличивался в среднем на 600 тысяч человек в год. Подробнее об этом смотри работу С. Абылкаликова «Италия и миграция: впереди планеты всей?» [7].

раздо сложнее, чем вы думаете. В ней три разных аспекта, три лика одной и той же реальности, которые не могут быть поняты и решены раздельно» [10, с. 215]. Культурный фактор обусловлен различием между цивилизациями города и деревни: «Мы стоим перед лицом существования двух различных цивилизаций, ни одна из которых не может ассимилировать другую. Деревня и город, культура дохристианская и культура уже нехристианская стоят лицом к лицу; и до тех пор, пока вторая будет навязывать первой свою государственную теократию, разлад будет продолжаться. (...) Крестьянская цивилизация будет всегда побеждена, но не сможет быть полностью подавлена, а сохранится под покровом терпения, вспыхивая время от времени; и смертельный кризис будет продолжаться вечно» [10, с. 215]. Фактором экономическим выступает нищета Юга: «Земли становятся все более бесплодными, леса вырублены, реки превратились в ручейки, животных становится все меньше, на месте деревьев, лугов и лесов здесь упорно культивируют пшеницу, хотя земля непригодна для этого. Нет капиталов, нет промышленности, нет сбережений, нет школ, эмиграция стала невозможной, налоги невыносимы и непропорциональны; и повсюду царствует малярия» [10, с. 215]. Но, кроме культурного и экономического факторов в решении Южного вопроса, важно учитывать и фактор социальный. И именно последний, по мнению Леви, имеет первостепенное значение: «Принято говорить, что наибольший враг – крупный землевладелец. Но если крупный землевладелец, живущий в Неаполе, в Риме или в Палермо, враг крестьян, все же он не самый большой и не самый зловредный. Настоящий враг, отнимающий всякую свободу и всякую возможность существования для крестьян, – это мелкая буржуазия деревень, морально и физически выродившийся класс, неспособный выполнять свои функции и живущий только мелким грабежом и вырождающимся традиционным феодальным правом. Пока этот класс не будет подавлен и заменен, нечего и думать о решении южной проблемы» [10, с. 215–216]. Леви осознает, что «южная проблема не решается внутри современного государства», как осознает и тот факт, что ее нельзя решить силами одного лишь юга: «В последнем случае у нас начнется гражданская война, новое ужасное разбойничество, которое, как всегда, кончится поражением крестьян и всеобщим несчастьем» [10, с. 216]. Коренное обновление возможно лишь объединенными силами всей Италии: «Нужно, чтобы мы были способны задумать и создать новое государство, которое не должно быть ни фашистским, ни либеральным, ни коммунистическим, являющимися разными по форме и субстанциально одинаковыми в своей религиозной государственности. Она решится только вне их, если мы сумеем создать новую политическую идею и новую форму государства, которое будет также и государством крестьян, которое освободит их от их насильственной анархии и от их неизбежного сейчас равнодушия» [10, с. 216].

Год «подземной жизни» утвердил Леви в уверенности, что никакое государство немислимо вне интересов человека, ибо «индивидуум и государство совпадают в своей сущности и должны совпасть в своей ежедневной практике, чтобы существовать совместно» [10, с. 217]. Аграрный Юг Италии чужд, как, впрочем, и всегда оставался чуждым, политическим играм промышленного Севера. Объединение Италии не оправдало себя ни в экономике, лишь увеличив пропасть между северными и южными регионами, ни в реализации национальной идеи. Единственный выход из тупика, в котором оказалась фашистская Италия 1930-х годов, Леви видит в «крестьянской цивилизации», иными словами, в политической и экономической автономии Юга. «Государство, – заключает он свои рассуждения по «южному вопросу», – не может быть ничем иным, как суммой бесчисленных автономий, органической федерацией. Для крестьян единственная государственная ячейка, с помощью которой они могут участвовать в многообразной коллективной жизни, – автономная сельская община. Это единственная государственная форма, которая может привести к одновременному решению трех взаимосвязанных аспектов южной проблемы; эта форма сделает возможным сосуществование двух разных цивилизаций без того, чтобы одна подавляла другую или эта другая обременяла первую» [10, с. 218].

Заключение. Опубликованный в 1945 году, на заре нового этапа итальянской истории, но написанный двадцатью годами ранее «Христос остановился в Эболи» представляет собой осмысление не только личного опыта Леви (ссылка в Алиано), но и исторического прошлого, и дня сегодняшнего южных регионов объединенной Италии. Содержание романа, однако, не сводится к сухому социологическому описанию проблем Юга Италии середины 30-х годов XX века. Он глубоко психологичен, полон чувств и эмоций, каждая его страница не просто написана, но прожита и пережита автором, и переживания эти описаны им в мельчайших нюансах. Сила эмоциональных переживаний Леви и присущая ему глубокая эмпатия превратили его из повествователя-наблюдателя в непосредственного участника событий, позволили проникнуть в самую суть сельской общины до сих пор ему, интеллектуалу и городскому жителю, совершенно чуждой. Став, по словам Итало Кальвино, «глашатаем крестьянства», Леви открыл читателю доселе незнакомый ему мир – мир южной Италии, застывшей во времени и гордо противостоящей всякому прогрессу. Ощущение невероятной статичности, неподвижности и стагнации, которые характеризуют в романе Луканию (от природных явлений и характеристик ландшафта до социальных аспектов жизни), искусственно нагнетаемое автором эксплицитно («здесь время, кажется, остановилось», «здесь все пейзажи одинаковы в своем убожестве», «здесь ничего не меняется», «это огромное море бесфор-

менной земли» и «бесформенное море тоски») создает абсолютно новый хронотоп. Лукания Леви – это место, где пространство и время теряют привычные коннотации и переплетаются, создавая особый архетип – «крестьянской цивилизации».

Такая цивилизация исторически противостоит в пространстве и во времени цивилизации городской, цивилизации по сути своей враждебной, стремящейся не понять и принять специфику южных регионов, но подчинить и ассимилировать их, что противоречит самой идее объединенной Италии. Крестьянская цивилизация, по Леви, – это мир вне национальной идеи, а значит и вне государственной политики: здесь нет фашистов, нет либералов или социалистов, «потому что политика их не касается, потому что они принадлежат к другому миру» [6, с. 72]. Государство для южан, утверждает Леви, такое же вечное и неизбежное зло, как град, обвалы, засуха, малярия. Юг Италии может существовать и развиваться только на условиях политической и экономической автономии, а значит «южный вопрос» остается неразрешимым и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jovine, F. *Le terre del Sacramento* / F. Jovine. – Roma : Donzelli, 2012. – 257 p.
2. Scotellaro, R. *L' uva puttanello. Contadini del Sud* / R. Scotellaro. – Bari : Laterza, 2009. – 296 p.
3. Tomasi di Lampedusa, G. *Il Gattopardo* / G. Tomasi di Lampedusa. – Milano : Feltrinelli, 2013. – 304 p.
4. Sciascia, L. *Pirandello e la Sicilia* / L. Sciascia. – Roma : Caltanissetta, 1968. – 211 p.
5. Sciascia, L. *Il giorno della civetta* / L. Sciascia // *Narrativa. Teatro. Poesia*. – Milano : Adelphi, 2012. – P. 251–344.
6. Шаша Леонардо *День совы* / Леонардо Шаша. – 1961.
7. Villari, R. *Mezzogiorno e contadini nell'eta moderna* / R. Villari. – Bari : Laterza, 1961. – 288 p.
8. Villari, R. *Sud netlastoria d'Italia. Antologia della questione meridionale* / R. Villari. – Bari : Laterza, 1961. – 163 p.
9. Paál, Zs. *Il tessuto antropologico del «Cristo» di Levi (Aliano, una comunità rurale in Lucania)* / Zs. Paál // *Verbum*. – 1999. – № 1. – P. 169–176.
10. Cirese, A.M. *Cultura egemonica e culture subalterne. Rassegna degli studi sul mondo popolare tradizionale* / A.M. Cirese. – Palermo : Palumbo, 164 p.
11. Леви, К. *Христос остановился в Эболи* / К. Леви. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 233 с.
12. Тимофеев, Л.И. *Словарь литературоведческих терминов* / Л.И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
13. Абылкаликов, С. *Италия и миграция: впереди планеты всей?* / С. Абылкаликов // *Современная Европа*. – 2013. – № 1. – С. 97–106.
14. Verga, G. *I Malavoglia* / G. Verga. – Farigliano : Rusconi Libri, 2004. – 294 p.
15. Verga, G. *Vita dei Campi* / G. Verga // *Novelle*. – Roma : Mondadori, 1979. – P. 114–236.

Поступила 01.06.2017

"SOUTHERN QUESTION" AND IT'S EXPRESSION IN "CHRIST STOPPED AT EBOLI" BY CARLO LEVI

S. HANCHAR

In the late 19th century "The Southern question" as a complex of problems caused by the sharp economic, social and cultural backwardness of the southern Italian regions, became one of the central themes in the literature of Italian verism. As being not resolved till the end, this probleme appears again in the literature of neorealism in the works of Francesco Jovine, Rocco Scotellaro, Leonardo Sciascia and others. Russian-speaking reader is familiar with this probleme first of all in the connection with the novel "Christ stopped at Eboli" by Carlo Levi that was translated and published in 1955. This article represents itself the attempt of historical-anthropological interpretation of the novel by Levi: the results of author's complex conception of the world and human are given; the main stylistic principles and devices of South Italy social and economical problems realization in the context of the literature of neorealism are revealed; Levi's conceptual-stylistic innovation and his conception of "The Southern question" solution by means of fiction literature are represented.

Keywords: Italian literature; Carlo Levi; neorealism; social criticism; "The Southern question".